

СТЕПАН ПИСАХОВ

СКАЗКИ
НАРОДОВ
РОССИИ

АРХАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ

ХУДОЖНИК
НАСТЯ БАХЧИНА

bhv®

Annotation

В настоящем издании собраны лучшие образцы творчества одного из самых известных сказочников Архангельского края – Степана Григорьевича Писахова: «Не любо – не слушай», «Северно сияние», «Ветер про запас», «Морожены волки» и другие. В текстах сказок бережно сохранены все особенности речи жителей края.

- [Степан Писахов](#)
 -
 -
 - [Предисловие](#)
 - [От автора](#)
 - [Не любо – не слушай...](#)
 - [Северно сияние](#)
 - [Звездной дождь](#)
 - [Морожены песни](#)
 - [Из-за блохи](#)
 - [Ветер про запас](#)
 - [Баня в море](#)
 - [В реке порядок навёл](#)
 - [Как Уйма выстроилась](#)
 - [Пирог с зубаткой](#)
 - [Морожены волки](#)
 - [Своим жаром баню грею](#)
 - [Белуха](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Степан Писахов

Архангельские сказки

© Писахов С. Г., наследники, 2016

© Бахчина А. С., иллюстрации, 2016

© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2016

* * *

Степан Григорьевич Писахов

Предисловие

Архангельский край – это обширные холодные равнины, которые омываются реками Онегой и Северной Двиной и водами Белого (Студёного, как его называли раньше) моря. Это север России.

Жителей этого сурового края называли поморами. Занимались они рыбным и зверобойным промыслом, земледелием и скотоводством. В Белом море ловили поморы треску, сёмгу, палтуса и сельдь, а в реках – сига, налима и щуку. Неудивительно, что действие поморских сказок почти всегда связано с морем.

Один из самых известных сказочников Архангельского края – Степан Григорьевич Писахов. Посмотри на его портрет. Он был похож на сказочного персонажа, старичка-боровичка, будто вышедшего на городскую улицу из леса. Из его сказок ты узнаешь, как жили архангельские крестьяне, как ходили в море, ловили рыбу, катались на льдинах, сушили северное сияние, как медведи торговали на ярмарках молоком, а пингвины приезжали на заработки и ходили по улицам с шарманкой.

А если ты захочешь проверить, что правда, а что выдумка, поезжай в старинный город Архангельск – столицу края, поброди по улицам, посети музей сказочника, не забудь заехать в Малые Корелы – музей под открытым небом, где собраны старинные дома, колокольни, церкви со всего края. Обязательно попробуй местное лакомство – козули, похожее на пряник. А на память привези из путешествия необычные глиняные игрушки, которые испокон веков делают в старинном городе Каргополь.

Может быть, речь героев этих сказок покажется тебе непривычной, но именно так говорили жители края раньше. И мы бережно сохранили эту особенность в тексте.

От автора

Сочинять и рассказывать сказки я начал давно, записывал редко.

Мои деды и бабка со стороны матери родом из Пинежского района. Мой дед был сказочник. Звали его сказочник Леонтий. Записывать сказки деда Леонтия никому в голову не приходило. Говорили о нём: большой выдумщик был, рассказывал всё к слову, всё к месту. На промысел деда Леонтия брали сказочником.

В плохую погоду набивались в промысловую избушку. В тесноте да в темноте: светила коптилка в плошке с звериным салом. Книг с собой не брали. Про радио и знати не было. Начинает сказочник сказку длинную или бывальщину с небывальщиной заведёт. Говорит долго, остановится, спросит:

– Други-товарищи, спите ли?

Кто-нибудь сонным голосом отзовется:

– Нет, ещё не спим, сказывай.

Сказочник дальше плетёт сказку. Коли никто голоса не подаст, сказочник мог спать. Сказочник получал два пая: один за промысел, другой за сказки. Я не застал деда Леонтия и не слышал его сказок. С детства я был среди богатого северного словотворчества. В работе над сказками память восстанавливает отдельные фразы, поговорки, слова. Например:

– Какой ты горячий, тебя тронуть – руки обожжёшь. Девица, гостья из Пинеги, рассказывала о своём житье:

– Утресь маменька меня будит, а я сплю-тороплюсь!

При встрече старуха спросила:

– Што тебя давно не видно, ни в сноп, ни в горсть?

Спрашивали меня, откуда беру темы для сказок? Ответ прост: ведь рифмы запросто со мной живут, две придут сами, третью приведут.

Сказки пишу часто с природы, почти с природы. Много помнится и многое просится в сказку. Долго перечислять, что дало ту или иную сказку. Скажу к примеру. Один заезжий спросил, с какого года я живу в Архангельске. Секрет не велик. Я сказал:

– С 1879 года.

– Скажите, сколько домов было раньше в Архангельске?

Что-то небрежно-снисходительное было в тоне, в вопросе. Я в тон заезжему дал ответ:

– Раньше стоял один столб, на столбе доска с надписью: «Архангельск». Народ ютился кругом столба. Домов не было, о них и не знали. Одни хвойными ветками прикрывались, другие в снег зарывались, зимой в звериные шкуры завертывались. У меня был медведь. Утром я вытряхивал медведя из шкуры, сам залезал в шкуру. Тепло ходить в медвежьей шкуре, и мороз – дело постороннее. На ночь шкуру медведю отдавал...

Можно было сказку сплести. А заезжий готов верить. Он попал в «дикий север». Ему хотелось полярных впечатлений.

Оставил я заезжего додумывать: каким был город без домов.

С Сеней Малиной я познакомился в 1928 году. Жил Малина в деревне Уйме, в 18 километрах от города. Это была единственная встреча. Старик рассказывал о своём тяжёлом детстве. На прощанье рассказал, как он с дедом «на корабле через Карпаты ездил» и «как собака Розка волков ловила». Умер Малина, кажется, в том же 1928 году. Чтя память безвестных северных сказителей – моих сородичей и земляков, – я свои сказки веду от имени Сени Малины.

Степан Писахов^[1]

Не любо – не слушай...

Про наш Архангельской край столько всякой неправды да напраслины говорят, что я придумал сказать всё как есть у нас.

Всю сушшую правду. Что ни скажу, всё – правда.

Кругом все свои – земляки, соврать не дадут.

К примеру, Двина – в узком месте тридцать пять вёрст^[2], а в широком – шире моря. А ездим по ней на льдинах вечных. У нас и леденики есть. Таки люди, которы ледяным промыслом живут. Льдины с моря гонят да дают в прокат, кому желательно.

Запасливы стары старухи в вечных льдинах проруби делали. Сколь годов держится прорубь!

Весной, чтобы занапрасно льдина с прорубью не таяла, её на погребницу затаскивали – квас, пиво студили.

В стары годы девкам в придано давали перьвым делом – вечну льдину, вторым делом – лисью шубу, чтобы было на чём да в чём за реку в гости ездить.

Летом к нам много народа приезжат. Вот придут к леденику да торговаться учнут, чтобы дал льдину полутче, а взял по три копейки с человека, а трамвай пятнадцать копеек.

Ну, ледник ничего, для виду согласен. Подсунет дохлу льдину – стару, иглисту, чуть живу (льдины хошь и вечны, да и им век приходит).

Ну, приезжи от берега отъедут вёрст с десяток, тоже как путевы, песню заведут, а робята уж караулят (на то дельны, не первоучебны). Крепкой льдиной толконут, стара-то и сыпаться начнёт. Приезжи завизжат: «Ой, тонем, ой, спасайте!»

Ну, робята сейчас подъедут на крепких льдинах, обступят.

– По целковому с рыла, а то вон и медведь плывёт, да и моржей напустим!

А мишки с моржами, вроде как на жалованье али на по-деншшине, – своё дело знают. Уж и плывут. Ну, приезжи с перепугу платят по целковому. Впредь не торгуйся.

А мы сами-то хорошей компанией наймём льдину, сначала пешней^[3] попробуем, сколько ей годов узнам. Коли больше ста – и не возьмём. Коли сотни нет – значит, молода и гожа. Парус для скорости поставим. А от солнца зонтики растопырим да вертим кругом, чтобы не загореть. У нас летом солнце-то не закатывается: ему на одном-то месте стоять скучно, ну, оно и крутит по небу. В сутки разов пятьдесят обернётся, а коли погода

хороша да поветерь, то и семьдесят. Ну, коли дождь да мокреть, дак отдыхат, стоит.

А на том берегу всяка благодать, всяческо благорастворение! Морошка растёт большушшими кустами, крупна, ягоды по фунту^[4] и боле, и всяка друга ягода.

Сёмга да треска сами ловятся, сами потрошатся, сами солятся, сами в бочки ложатся. Рыбаки только бочки по-розны к берегу подкатывают да днишша заколачивают. А котора рыба побойчей – выторопится да в пирог завернётся. Сёмга да палтусина ловчей всех рыб в пирог заворачиваются. Хозяйки только маслом смазывают да в печку подсаживают.

Белы медведи молоком торгуют (приучены). Белы медвежата семечками да папиросами промышляют. И птички всяки чирикают: полярны совы, чайки, гаги, гагарки, гуси, лебеди, северны орлы, пингвины.

Пингвины у нас хоша не водятся, но приезжают на заработки – с шарманкой ходят да с бубном. А новы обезьяной одеваются, всяки штуки представляют, им и не пристало одеваться обезьяной, – ноги коротки, ну, да мы не привередливы, нам хошь и не всамоделишна обезьяна, лишь бы смешно было.

А в большой праздник да возьмутся пингвины с белыми медведями хороводы водить, да ишшо вприсядку пустятся – ну, до уморения. А моржи да тюлени с нерпами у берега в воды хлюпают да поуркивают – музыку делают по своей вере.

А робята поймают кита, али двух, привяжут к берегу да и заставят для прохладждения воздуха воду столбом пушшать.

А бурым медведям ход настрого запрешшён.

По зажилью столбы понаставлены и надписи на них: «Бурым медведям ходу нет».

Раз вёз мужик муки мешок: это было вверху, выше Лявли. Вот мужик и обронил мешок в лесу.

Медведь нашёл, в муке вывалялся весь и стал на манер белого. Сташшил лодку да приехал в город: его водой да поветерью несло, он рулём ворочал. До рынка доехал, на льдину пересел. Думал сначала промышлять семечками да квасом, аль кислыми штями, а потом, думат, разживётся и самогоном торговать начнёт. Да его узнали. Что смеху-то было! В воде выкупали! Мокрехонек, фыркат, а его с хохотом да с песнями робята за город погнали.

За Уймой медведь заплакал. Ну, у нас народ добрый: дали ему вязку калачей, сахару полпуда да велели в праздники за шаньгами^[5] приходить.

Северно сияние

Летом у нас круглы сутки светло, мы и не спим. День работам, а ночь гулям да с оленями вперегонки бегам. А с осени к зиме готовимся. Северно сияние сушим. Спервоначалу-то оно не сколь высоко светит. Бабы да девки с бани дёргают, а робята с заборов. Надёргают эки охапки! Оно что – дёрнешь, вниз головой опрокинешь – потухнет, мы пучками свяжем, на подволоку^[6] повесим и висит на подволоке, не сохнет, недохнет. Только летом свет теряют. Да летом и не под нужду. А к тёмному времени опять отживается.

А зимой другой раз в избе жарко, душно – не продохнуть, носом не проворотить, а дверь открыть нельзя: мороз градусов триста! А возьмёшь северно сияние, тёплой водичкой смочишь и зажгёшь. И светло так горит, и воздух очишат, и пахнет хорошо, как бы сосной, похоже на ландыш.

Девки у нас модницы, маловодны, северно сияние в косы носят – как месяц светит. Да ишшо из сияния звёзд наплетут, на лоб налепят. Страсть сколь красиво! Просто андели!

Про наших девок в песнях пели:

У зори у зореньки много ясных звёзд,
А в деревне Уйме им и счёту нет.

Девки по деревне пойдут – вся деревня вызвездит.

Звездной дождь

По осени звездной дождь бывает. Как только он зачастит, мы его собираем, стараемся.

Чашки, поварёшки, ушаты, крынки, латки, горшки и квашни, ну, всякую к делу подходящую посуду вытащим под звездной дождь. Дождь в посуде устоит, свет угомонится, стихнет. Мы в бочки сольём, под бочки хмелю насыплем.

Пиво тако крепко живёт! Мы этим пивом добрых людей угошаем во здоровье, а полицейских злыдней этим же пивом, бывало, так звезданём, что от нас кубарем катятся.

Нас-то самих это пиво и веселит и молодит. У нас кто часто пьёт, лет до двести живёт.

Да это не сказка кака, а взаболь^[7] у нас так: ведь кругом народ знающий, свой, соврать не дадут; у нас так и зовётся: «Не любо – не слушай».

Морожены песни

А то ишло вот песни.

Все говорят: «В Москву за песнями». Это так зря говорят. Сколь в Москву ни ездят, а песен не привозили ни разу.

А вот от нас в Англию не столь лесу, сколь песен возили. Пароходиши большуши нагрузят, таки больши, что из Белого моря в окиян едва выползут.

Девки да бабы за зиму едва напевать успевали. Да и старухи, которы в голосе, тоже пели – деньги зарабатывать. Мы сами и в толк не брали, что можно песнями торговать. У нас ведь морозы-то живут на двести пятьдесят да на триста градусов, ну, всякой разговор на улице и мёрзнет да льдинками на снег ложится.

А на моей памяти ещё доходило до пятисот. Стары старухи сказывают – до семисот бывало, ну да мы и не порато^[8] верим.

Что не при нас было, то, может, и вовсе не было.

А на морозе, како слово скажешь, так и замёрзнет до оттепели. В оттепель растает, и слышно, кто что сказал. Что тут смеху бывает и греха всякого! Которо сказано в сердцах (понасердки), ну, а которо издёвки ради – новы и хороши слова есть. Ну, которы крепки слова, те в прорубь бросам. У нас крепким словом заборы подпирают, а добрым словом старухи да старики опираются. На крепких словах, что на столбах, горки ледяны строят.

Новой улицей идёшь – вся мороженой руганью усыпана, – идёшь и спотыкаешься. А нова улица вся в ласковых словах – вся ровненька да ладненька, ногам легко, глазам весело.

Зимой мы разговор не слышим, а только смотрим, как сказано.

Как-то у проруби сошлись наши Анисья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова гладкими льдинками на снег, да покажись Анисье, что сватья сказала кисло слово (по льдинке видно).

– Ты это что, – кричит Анисья, – курва эдака, како слово сказала? Я хошь ухом не воймую, да глазом вижу!

И пошла и пошла, ну, прямо без удержу, ведь до потемни сыпала! Да уж како сыпала, – прямо клала да руками поправляла, чтобы куча выше была. Ну, сватья тоже не отставала, как подскочит да как начала переплётыв ледяны выплетать! Слово-то всё дыбом!

А когда за кучами мёрзлых слов друг дружку не видно стало,

разошлись. Анисья дома свекровке нажала, что сватья ей всяческих кислых слов наговорила.

– Ну, и я ей навалила! Только бы тёплого дня дожждаться, – оно хошь и задом наперёд начнёт таять, да её, ругательницу, наскрозь прошибёт.

Свекровка-то ей говорит:

– Верно, Анисьюшка, уж вот как верно, и таки ли они горлопанихи на том берегу, – просто страсть. Прошлу зиму и отругиваться бегала, мало не сутки ругались, чтобы всю-то деревню переругать. Духу не переводила, насили отругала. Было на уме ишшо часик-другой поругаться, да опара на пиво была поставлена, боялась, кабы не перестояла. Посулила ишшо на спутье^[9] забежать поругать.

А малым робятам забавы нужны, – каки ни на есть бабушки, матери-потаковщицы подол на голову накинут от морозу, на улицу выбежат, наговорят круглых слов да ласковых. Робята катают, слова блестят, звенят. Которы робята окоёмы^[10] – дак за день-то много слов ласковых переломают. Ну, да матери на ласковы слова для робят устали не знают.

А девки – те все насчёт песен. Выйдут на улицу, песню затянут голосисту, с выносом. Песня мёрзнет колечушками тонюсенькими – колечушко в колечушко, буди кружево жемчужно-бральянтово отсвечиват цветом радужным да яхонтовым. Девки у нас выдумщицы. Мёрзлыми песнями весь дом по переду улепят да увесят. На конёк затейно слово с прискоком скажут. По краям частушки навесят. Коли где свободно место

окажется, приладят слово ласковое: «Милый, приходи, любый, заглядывай».

Весной на солнышке песни затают, зазвоят. Как птицы как невиданны запоят. Вот уж этого краше нигде ничего не живёт!

Как-то шёл заморской купец (зиму у нас проводил по торговым делам), а известно – купцам до всего дело есть, всюду нос суют. Увидал распрекрасно украшенье – морожены песни, и давай ахать от удивленья да руками размахивать:

– Ах, ах, ах! Кака антиресность диковинна, без бережения на самом опасном месте прилажена. – Изловчился да отломил кусок песни, думал – не видит никто. Да, не видит, как же! Робята со всех сторон слов всяческих наговорили и ну – в него швырять. Купец спрашивает того, кто с ним шёл:

– Что такое за штуки, колки какие, чем они швыряют?

– Так, пустяки.

Иноземец с большого ума и «пустяков» набрал с собой. Пришёл домой, где жил, «пустяки» по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла да только в ушах прозвенела, а «пустяки» по полу тоже растаяли да как заподскакивают кому в нос, кому во что. Купцу выговор сделали, чтобы таких слов больше в избу не носил.

Иноземцу загорелось песен заказывать в Англию везти на полюбованье да на послушание.

Вот и стали девкам песни заказывать да в особый ящик складывать, таки термояшшики прозываются.

Песню уложат да обозначат, которо перед, которо зад, чтобы с другого конца не начать. Больши кучи напели, а по весне на первых пароходах отправили. Пароходиши на грузили до трубы, в заморску страну привезли. Народу любопытно: каки таки морожены песни из Архангельского? Театр набили полнёхонек.

Вот яшшики раскупорили, песни порастаяли да как взвились, да как зазвенели! Да дальше, да звонче, да и все. Люди в ладоши захопали, закричали: «Ишшо, ишшо». Да ведь слово – не воробей: выпустишь – не поймашь, а песня что соловей: прозвенит – и вся тут. К нам шлют письма, депеши: «Пойте песен больше, заказывам, пароходы готовим, деньги шлём, упросом просим: пойте!»

А сватьяна свекровка, – ну, та самая, котора отругиваться бегала, – в песни втянулась. Поёт да песенным словом помахиват, а песня мёрзнет; как белы птицы летят. Внучка старухина у бабки подголоском была. Бабкина песня – жемчуга да бральянты самоцветы, внучкино вторенье – как изумруды. Столь антиресно, что уж думали в музей сдать на полюбование. Да в музее-то у нас, сами знаете, директора сменялись часто и каждый норовил своё сморозить, а покупали что приезжи сморозят – будто

привозно лутче.

Ну, бабкину песню в термоящик.

Девки поют, бабы поют, старухи поют. В кузницах стучо-тох стоит –
термоящики сколачивают.

На песнях много заработали. Работа не сколь трудна. Мужики заговорили:

– Бабы, зарабатывайте больше. Надоели железны крыши, в них и виду нет, и красить надо. Мы крыши сделам из серебра и позолоченны.

Бабы не спорят:

– Нам английских денег не жаль...

Мужики выпрямились, бородами трягнули:

– Вы это, бабы, для кого песни поёте? Дайкосе мы их разуважим, «почтение» окажем.

Мужики бороды в сторону отвернули для песенного простору и начали. Оно и складно, да хорошо, что не нам слушать. Слова такие, что меньше оглобли не было! И одно другого крепче.

Для тех песен особенны яшшики делали. И таки большушши, что едва в улицы проворачивали.

К весне мороженных песен кучи наклали.

Заморски купцы снова приехали. Деньги платят, яшшики таскают, грузят да и говорят: «Что порато тяжелы сей год песни?»

Мужики бородачи рты прикрыли, чтобы смеху не было слышно, и отвечают:

– Это особенны песни, с весом, с уважением, значит, в честь ваших хозяев. Мы их завсегда оченно уважам. Как к слову приведётся, каждой раз говорим: «Кабы им ни дна ни покрышки!» Это по-вашему значит – всего хорошего желам.

И так у нас испокон веков заведено. Так и скажите, что это от архангельского народу особенно уважение.

Иноземцы и обрадели. Пароходы нагрузили, труб не видно, флагами обтянули. В музыку заиграли. Поехали. От нашего хохоту по воде рябь пошла.

Домой приехали, сейчас – афиши, объявления. В газетах крупно пропечатали, что от архангельского народу особенное уважение заморской королеве: песни с весом!

Король и королева ночь не спали, с раннего утра задним ходом в театр забрались, чтобы хороши места захватить. Их знакома сторожиха пропустила.

Прочему остальному народу с полден праздник объявили по этому случаю.

Народу столько набилось, что от духу в окнах стёкла вылетели.

Вот ящики наставили, раскупорили все разом. Ждут.

Все вперёд подались, чтобы ни одного слова не пропустить.

Песни порастаяли и – почали обкладывать.

На что заморски купцы нашему языку не обучены, а поняли!

Из-за блохи

В наших местах болота больши, топки, а ягодны. За болотами ягод больше того, и грибов там, кабы дорога проезжа была, – возами возили бы.

Одна болотина вёрст на пятьдесят будет. По болотине досточки настелены концом на конец, досточка на досточку. На эти досточки надо ступать с опаской, а я, чтобы других опередить да по ту сторону болота первому быть, безо всякой бережности скочил на досточку.

Каак доска-то выгалила! Да не одна, а все пятьдесят вёрст вызнялись стойком над болотиной-трясиной.

Что тут делать?

Топнуть в болоте нет охоты, – полез вверх, избоченился на манер крюка и иду.

Вылез наверх. Вот просторно! И видать ясно. Не в пример ясней, чем внизу на земле.

А до земли считать надо пятьдесят вёрст.

Смотрю – мой дом стоит, как на ладошке видать. До дому пятнадцать вёрст. Это уж по земле.

Да, дом стоит. На крыльце кот дремлет-сидит, у кота на носу блоха.

До чего явственно всё видно.

Сидит блоха и левой лапкой в носу ковыряет, а правой бок чешет. Тако зло меня взяло, я блохе пальцем погрозил, а блоха подмигнула да ухмыльнулась: дескать – достань! Вот не знал, что блохи подмигивать да ухмыляться умеют.

Ну, кабы я ближе был, у меня с блохами разговор короткой – раз, и всё.

Тут кот чихнул.

Блоха стукнулась об крыльцо, да теменем, и чувствий лишилась. Наскакали блохи, больну увели.

А пока я ахал да руками махал, доски-то раскачались, да шибко порато.

«Ахти, – думаю, – из-за блохи в болоте топнуть обидно».

А уцепиться не за что.

Вижу – мимо туча идёт и близко над головой, да рукой не достать.

Схватил верёвку, – у меня всегда с собой верёвка про запас; петлю сделал да на тучу накинул. Притянул к себе. Сел и поехал верхом на туче!

Хорошо, мягко сидеть.

Туча до деревни дошла, над деревней пошла.

Мне слезать пора. Ехал мимо бани, а у самой бани черемша^[11] росла. Слободным концом верёвки за черемшу зацепил. Подтянулся. Тучу на верёвке держу. Один край тучи в котёл смял на горячу воду, другой край – в кадку для холодной воды, окачиваться, а остатну тучу отпустил в знак благодарения.

Туча хорошее обхождение помнит. Далеко не пошла, над моим огородом раскинулась и пала лёгким дождичком.

Ветер про запас

Ранним утром потянулся да вверх. У нас в Уйме тишь светлая, безветрая. Потянулся я до второго неба.

А там ветряна гулянка, ветряны перегонки. Один ветер молодой засвистел да на меня – напугать хотел. Я руки раскинул, потянулся, охватил ветер охапкой, сжал в горсть, в комок да за пазуху сунул. Сунул бы в карман, да я в исподнем был, а на исподнем белье карманов не ношу.

Другие шалуны ветры на меня по два, по три налетали, хотели с ног свалить. А как меня свалишь, коли ноги у меня на повети^[12] упёрты!

Я молодых ветров, игривых да ласковых, много наловил. Тут стары ветры заворчали, заворочались – и в меня. Бросились один за одним. Ну, и их за пазуху склал.

Староста ветряной громом раскатился, в меня штормом ударился. Я и шторм смял. Наловил всяких разных ветров: суховейных, мокропогодных, супротивных, попутных. Ветрами полну пазуху набил. Ветры согрелись, разговаривать стали, которы поуркивают, которы посвистывают. Я ворот у рубахи застегнул, пояс подтянул, ветрам велел тихо сидеть, прежде дела не сказываться. Сказал, что без дела никоторого не оставлю.

На повесть воротился – на мне рубаха раздулась. Кабы не домоткана была рубаха – лопнула бы. Жона спросила:

– Чем ты эк разъелся?

– Не разъелся, а ветром подбился.

Вытряс я ветры в холодну баню, на замок запер, палкой припёр. Это мой ветряной запас. Коли в море засобираюсь сам или соседи, я к судну свой ветер прилаживаю. Со своим ветром, завсегда попутным, мы ходили скорее всяких пароходов-сороходов. В тиху пору ветер к мельничным размахам привязывали. Ветром бельё сушили, ветром улицу чистили и к другим разным домашностям приспособляли. У нас ветер малых робят в люльках качал, про это и в песне поётся:

В няньки я тебя взяла,
ветер...

Прибежал поп Сиволдай, запыхался, чуть выговариват:

– Чем ты, Малина, дела устраивать, без расходу имешь много доходу? Дайко-се мне этого самого приспособленья!

У меня в руках был ветряной обрывок, собирался горницу пахать. Я этот обрывок сунул Сиволдаю:

– На!

Попа трянуло да на мачту для флюгарки^[13] закинуло. Сиволдай за верхушку мачты вцепился. Ветер не отстаёт, поповску широку одёжу раздул и кружит Сиволдая. Сиволдай что-то трешшит, как настояща флюгарка. Долго поп Сиволдай над деревней вертелся, нас потешал. Только с той поры поповска трескотня на нас действовать перестала, мимо нас на ветер пошла, мы слушать разучились.

Баня в море

В бывалошно время я на бане в море вышел.

Время пришло в море за рыбой идти. Все товаришки, кумовья, сватовья, братовья да соседи ладятся, собираются. А я на тот час убегался, умаялся от хлопот по своим делам да по жониным всяким несусветным выдумкам, прилёг отдохнуть и заспал, да столь крепко, что криков, сборов и отчальной суматошни не слышал.

Проснулся, оглянулся – я один из промышленников в Уйме остался. Все начисто ушли, суда все угнали, мне и догонять не на чем.

Я недолго думал. Столкнул баню углом в воду, в крышу воткнул жердину с половиком; вышла настоящша мачта с парусом. Стару воротину рулём оборотил. Баню натопил, пар нагонил, трубой дым пустил. Баня с места вскачь пошла мимо городу пароходным ходом да в море вывернулась и мимо наших уемских судов на полюбование всё кругами, всё кругами по воде вавилоны развела!

У бани всякой угол носом идёт, всяка сторона – корма. Воротина-руль своё дело справлят, баня с того дела и заповорачивалась, поворотами большого ходу набрала.

Я в печке помешал, дым пустил, пару прибавил, сам тороплюсь – рулём ворочаю. Баня разошлась, углями воду за версту зараскидывала, небывалошну-невидалошну одноместну бурю подняла. Кругом море в спокойе, берега киснут. А посерёдке, ежели со стороны глядеть, что-то вьётся, пена бьётся, вода брызжется и дым валит, как из заводской трубы.

Тут до кого хошь доведись – переполошится! Со стороны глядеть – похоже и на животину, и на машину. Животина страшна, а машина того страшне. Ну, страшно-то не мне да не нашим уемским.

Рыбы народ любопытный, им всё надо знать, а в бане новости завсегда самы свежи, самы новы, рыбы к бане со всех сторон заторопились.

А мы промышляем.

С судов промышляют по-обнакновенному, как раньше заведено. А я с бани рыбу стал брать по-новому, по-банному, шайкой в воде поболтаю, рыба думат: её в гости зовут – и в шайку стайками, а к бане косяками. Мне и сваливать рыбу места нет: на полук немного накладёшь!

Стали наши рыбацки суда чередом да всяко в свою очередь к бане подходить, я шайкой рыбу черпаю, бочки набью, трюма накладу, на палубе выше бортов навалю, другое подходит. На место полного. Это дело с краю

бани, а в серёдке баня топится, народ в бане парится, рябиновыми вениками хвошшется, от рябинового веника пару больше, жар легче и дух вольготней.

Чтобы дым позанепрасно не пропадал, у трубы коптильню завели, это уж без меня. Я баню топил да рыбу ловил.

В коротком времени все суда полнёхоньки рыбой набил.

Судно – не брюхо, не раздастся, больше меры в него не набьёшь.

Набрали рыбы, сколько в суда да в нас влезло. Остальну в море на развод оставили.

К дому поворотились гружены суда. Тут и я с баней расстался, за дверну ручку попрошшался, впредь гостить обещшался. Домой пошли – я на заднем судёнышке сел на корме да на воду муку стал легонько трусить, мука на воде ровненькой дорожкой от бани до Уймы легла. Легла мучка на морскую воду да на рассоле закисла и тестяной дорожкой стала.

За нами следом зима стукнула, вода застыла. И от самой нашей Уймы до середины моря, до бан, значит, ровненька да гладенька дорожка смёрзлась.

Мы в ту зиму на коньках по морю в баню бегали. Рыбы учуяли хлебный дух тестяной дорожки и по обе стороны сбивались видимо-невидимо, как Мамаевы полчища. Мы в баню идём – невода закидываем, вымоемся, выпаримся, в морской прохладности продышимся, – невода полнёхоньки рыбы на лыжи поставим. На коньках бежим, ветру рукавицей помахиваем, показываем, куда нам поветерь нужна.

У нас в банных вениках пар не остывал, вот сколь скоро домой доставлялись!

Всю зимушку рыбу ловили, а в море рыбы не переловить.

С того разу и повелись зимны рыбны промыслы.

Весной лёд мякнуть стал, рыбы стаи тестяну дорожку растолкали, и понесло её по многим становищам, хорошему народу на пользу. К той поры тесто в полну пору выходило, по морю шло, а это не ближней конец. Промышленники тесто из воды в печки лопатами закидывали, которой кусок пёкся караваем, а которой рыбным пирогом – рыба в тесто сама

влипала.

Просолено было здорово. Поешь, осолонишься и опосля чай пьёшь в охотку.

Коли не веришь, так съешь трески, хотя одну трешшину фунтов хотя бы на десяток^[14]. Вот тогда чаю захочешь и мне верить будешь.

Баня по серёдке моря осталась и не понимает, в толк не берёт, что мы к ней дорогу потеряли, сама в себе жар раздувала, пар поддавала и в такую силу, что наше море студёно теплеть стало.

Вот этому приведётся поверить! Спроси у нас хошь старого, хошь малого – всяк одно скажет, что за последни годы у нас зимы короче стали и морозы легче пошли. Всё это моя баня своим теплом сделала.

В реке порядок навёл

Хорошо в утрешну пору потянуться, – косточки вытягиваются, силушка прибавляется.

Ногами на повети упёрся, а сам потянулся в реку посмотреть, как там жизнь идёт. В водяной прохладности большой беспорядок оказался. Шщуки зубасты, горласты, мелку рыбу из конца в конец гоняют, жрут, глотают, как водяны полицейские, и други больши рыбы за той же мелкотой охотятся. Я руки раскинул и первым делом давай шшук из воды к себе на двор выкидывать! Ну, сёмгу, стерлядь не обходил – тоже ловил.

Зубастых рыб меньше – мелкой рыбе легче. Рыбья мелкота обрадела, круг меня кружатся, своим рыбьим круженьем благодаренье мне выказывают, а сами веселятся без опаски, плавают, ныряют без оглядки.

Решил я им, мелким рыбёшкам, ишшо удовольствие сделать. Одной рукой я в реке, а другой рукой с берега кустов малиновых надоставал да в воду на дно реки и посадил. Эта обнова рыбёшкам очень по вкусу пришлась: ягоды для еды, а кусты – место, куда от шшук полицейских прятаться. С той поры мелка рыба нам в рыбном промысле помогать стала. Как мы на ловлю выедем, мелка рыба показыват, куда сети закидывать. Уловы у нас пошли больши, прибыльны. Полицейски чиновники до чужого добра падки – и тут не прозевали. Приехали к нам рыбу ловить. Невода закинули во всю реку, рыбу ловят в нашей воде, а мы слова сказать не смеем.

А рыбья мелкота собралась скопом да артельным делом всякого хламу со дна в невода натолкали: и камней, и пней, и кокор^[15], и грязи – и всего, что только лишно было. Дно, как улицу, для просторного гулянья вычистили. Полицейски чиновники с большой натугой невода выташшили, хлам на берег вытряхнули, а не отступились, вдругоряд сети закинули.

Мелка рыбёшка и другой раз изготовилась: малиновы кусты за листики да за тонки веточки уцепили и ко дну прыгнули, а колючи ветки кверху выгнули.

Поташили полицейски чиновники невода по дну, об колючки зацепили, прирвали и выташили одно ключё от неводов.

И сделали постановление: в этом пустопорожном месте дозволяется ловить рыбу беспрепятственно.

В прочищенной воды рыбы много пошло – нам и любо и ладно.

Малиновы кусты на речном дне совсем другомя заросли, нежели на сухой земли.

Как ягоды поспевать начнут, – со дна реки малинова наливка заподымается. Черпать надо поутру. Солнышко чуть светит, чуть теплом дыхнёт, над рекой туман везде спокойной, а в одном месте забурлит, как самовар на том месте кипит, – тут вот и есть малинова наливка.

Мы к тому месту подъезжали с чанами, с бочками, малинову наливку черпали порочками [\[16\]](#).

Мы малиновой наливки полны бочки сорокаведёрны к каждому дому прикатали да в ушатах добавошной запас сделали. На малиновой наливке кисели варили, квасы разводили, малиновой наливкой малых робят поили, а для себя хмелю подбавляли, и делалась настоящша виннопитейна настойка. Только с похмелья голова не болела да ум не отшибало.

Вот кака хорошесть да ладность от согласного житья. Я мелким рыбёшкам жизнь устроил, а они мне втрое. Я и с рыбой, я и с наливкой, а купаться пойду, в воду нырну – ни на какой камешек не стукнусь – все мешающши камни мелка рыба в полицейски, чиновничьи невода столкала.

Как Уйма выстроилась

Был я в лесу в самую ранну рань, день только начинался. И дождик весёлый при солнышке цветным блеском раскинулся.

Это друг-приятель мой дождь урожайной хорошего утра простать не хотел.

Дождик урожайной, а мне посадить нечего, у меня только топор с собой. Ткнул я топор топорищем в землю.

И-и, как выхвостнулся топор!

Топорище тонкой лесинкой высоко вверх выкинулось. Ветерком лесинку-топорище во все стороны гнёт. А топор – парень к работе напористой.

Почал топор дерева рубить, обтёсывать, хозяйственно обдeldывать. Понапрасну время не терят.

Я от удивленья только руками развёл, а передо мной по лесной дороге избы новорублены рядами выставают. Избы с резными крылечками и с поветями. У каждой избы для колодца сруб и у каждой избы своя баня. Бани двери прихлопнули – приучаются тепло беречь.

Я под избенны углы кругляши подсунул, избы легонько толкнул и с места сшевелил.

Домов – обнов длинной черёд покотился к нашей деревне.

Наша деревня до той поры была мала – домишков ряд был коротенькой и звалась не по-теперешнему.

Как новы дома заподкатывались! Народ без лишних разговоров дома по угору^[17] над рекой поставил рядом длинным на многовёрстье.

С того часу и деревню нашу стали звать Уймой.

Только вот мы, живя в близности друг с дружкой, привыкли гоститься. В старой деревне мы с конца в конец перекликались, в гости зазывали и сами скоро отзывались. У нас не как в других местах – где на перьвой зов кланяются, на второй благодарят, после третьего зову одеваются.

Народ у нас уважительной: по перьвому зову – идут, по перьвому слову – за стол садятся, по перьвому угошшенью – выпивают.

В новой деревне из конца в конец не то что не докричишься, а в день до конца не дойдёшь. Мы уж хотели железну дорогу прокладывать – в гости ездить (трамвая в те поры ишшо не знали).

Для железной дороги у нас железа мало было.

Дело известно: при хотенье будет и уменье.

Мы для скорости движенья на обоих концах Уймы длинны пружины в землю концом воткнули. За верхней конец уцепимся, пружину нагнём. Пружина в обратный ход выпрямится. Тут только отцепись – и лети, куда себя нацелил: до середины деревни или до самого конца.

Мы себе подушки подвязывали, чтобы мягко садиться было. Наши уемски для гостьбы на подъём легки.

Уйма выстроилась, выставилась. Окнами на реку и на заречье любуется. Сама себя показывает, стоит красуется.

А топор работает без устали, у меня так приучен был. Новы овины поставил, мельницу выстроил. Я ему, топору-то, новой заказ дал: через речки мосты починить, по болотам переходы досчаты перекинуть. Да как завсегда в старо время, хорошему делу полицейской да чиновник помешали.

Полицейской с чиновником проезжали лесом, где топор хозяйствовал. Топор по ним размахнулся, да промахнулся. Ох, в каку ярость вошли и полицейской и чиновник!.. Лесинку-топоришке сломали, на куски

приломали и спохватились:

– Ахти да ахти! Мы поторопились, недосмотрели, с чего началось, от кого повелось, кого штрафовать и сколько взять!

Много жалели о промахе своём чиновник и полицейской. Так чиновники и полицейски до самого последнего своего времени остались неотёсанными.

Пирог с зубаткой

Ты послушай, кака оказия с Перепилихой приключилась.

Завела Перепилиха стряпню, растворила квашню, да разбухала больше меры. Квашню на печку поставила, а сама возле печки спать повалилась. Спят: муж Перепилихи на полатах, а Перепилиха на полу выхрапывает, вроде как сказку сказывают с припевом.

Слышит Перепилихин муж: ровно кто босыми ногами по избе шлёпат. Глянул с полатей: квашня-то пошла, тесто через край да на Перепилиху валит, Перепилиха только во снах причмокиват да поворачиватся.

Перепилихин муж сдогадался: печку затопил скорёшенько, жону посолил, тестом обтяпал, маслом смазал – да в печку.

Испёк-таки пирог!

Нас, мужиков, скликать стал к себе в гости:

– Кумовьё-святовьё, други-соседи! Покорно прошу ко мне в гости, моей стряпни, моего печенья есть! Испёк я пирог, с зубаткой, приходите скорее, пока горячность из пирога не ушла!

Мы думали: кака така горячность? Ежели и простынет малость, то горячим запьём. А сами выторапливаемся.

Сам знашь, не в частом быванье мужикову стряпню есть доводится. В Перепилихину избу явились, как по приказу, – все сразу.

Ну и пирожишше! Отродясь такого не видывали! Пирожишше со всех сторон ширше стола и толстяшший и румяняшший, просто загляденье, а не пирог!

Мы к нему и присватались. Бороды в сторону отворотили с помешни. И – как следоват быть, как заведено у нас – у рыбника верхну корку срезали да подняли.

А в пироге Перепилиха! Запотягивалась и говорит: «Ах, как я тепло выпалась!»

Что тут было – и говорить не стану!

Опосля того разу я долго и к маленьким пирогам с опаской подходил.

Мужа Перепилихиного мы через пять дён увидали. Висит на плетню, сохнет. Мы его не с первого разу и признали-то. Думали, какой проходящий али проезжий – так перемят, так измочен да так измочален! Это всё Перепилиха: где бы с поклоном мужику благодаренье сказать за тепло спаньё в пироге, а она его в воде вымочила, да им-то, мужиком-то своим, всю избу вымыла, вышоркала да и приговаривала:

– После твоих гостей для моих гостей избу мою!

День и ночь висел на плетне Перепилихин муж. На другой день его Перепилиха сняла, палками выкатала, утюгом горячим выгладила и послала нас потчевать корками от пирога.

Мы попробовали, а есть не стали – уж очень Перепилихой пахло (ведь спала она в пироге-то) и злость Перепилихина на зубах хрустела.

Морожены волки

На что волки вредны животны, а коли к разу придутся, то и волки в пользу живут.

Слушай, как дело вышло из-за медведя.

По осени я медведя заприметил. Я по лесу бродил, а зверь спать валился. Я притаился за деревом, притаился со всей неприметностью и чуть-чудошно выставился – посматривал.

Медведь это на задни лапы выстал, запотягивался, ну вовсе как наш брат мужик, что на печку али на полати ладится. А мишка и спину и бока чешет и зеват во всю пасточку: ох-ох-охо! Залез в берлогу, ход хворостинками заклал.

Кто не знат, ни в жизнь не сдогадаться.

Я свои приметаны поставил и оставил медведя про запас. По зиме охотники наезжают не в редком быванье, медведей только подавай.

Вот и зима настала. Я пошёл проведать, тут ли мой запас медвежий?

Иду себе да барыши^[18] незаработанны считаю.

Вдруг волки. И много волков.

Волки окружили. Я озяб разом. Мороз был градусов двадцать.

Волки зубами зашщёлкали – мороз скочил градусов на сорок. Я подскочил, – а на морозе, сам знашь, скакать легко, – я и скочил аршин на двадцать^[19]. А мороз уж за полсотни градусов. Скочил я да за ветку дерева и ухватился.

Я висну, волки скачут, мороз крепчат. Сутки прошли, вторы пошли, по носу слышу – мороз градусов сто!

И вот зло меня взяло на волков, в горячность меня бросило.

Я разгорячился! Я разгорячился! Что-то бок ожгло. Хватил рукой, а в кармане у меня бутылка с водой была, – дак вода-то скипела от моей горячности.

Я бутылку вытащил, горячего выпил, – ну, тут-то я житель! С горячей водой полдела висеть.

Вторы сутки прошли, и третьи пошли. Мороз градусов на двести с хвостиком.

Волки и замёрзли.

Сидят с разинутыми пастьми. Я горячу воду допил. И любешенько на землю спустился.

Двух волков на голову шапкой надел, десяток волков на себя навесил вместо шубы, остальных волков к дому приволок. Склал костром под окошком.

И только намерился в избу иттить – слышу, колокольчик тренькат да шаркунки^[20] брякают.

Исправник^[21] едет!

Увидал исправник волков и заорал дико (с нашим братом мужиком исправник по-человечески не разговаривал):

– Что это, – кричит, – за поленница?

Я объяснил исправнику:

– Так и так, как есть, волки морожены, – и добавил: – Теперича я на волков не с ружьём, а с морозом охочусь.

Исправник моих слов и в рассужденье не берёт, волков за хвосты хватат, в сани кидат и счёт ведёт по-своему:

В счёт подати,
В счёт налогу,
В счёт подушных,
В счёт подворных,
В счёт дымовых,
В счёт кормовых,
В счёт того, сколько с кого!
Это для начальства,
Это для меня,
Это для того-другого,
Это для пятого-десятого,
А это про запас!

И только за последнего волка три копейки швыркнул. Волков-то полсотни было.

Куды пойдёшь, кому скажешь? Исправников-волков и мороз не брал.

В городе исправник пошёл лисий хвост подвешивать. И к губернатору,

к полицмейстеру, к архиерею и к другим, кто поважней его, исправника.

Исправник поклоны отвешиват, ножки сгинат и говорит с ужимкой и самым сахарным голоском:

– Пожалте волка мороженого под ноги заместо чучела!

Ну, губернатор, полицмейстер, архиерей и други-прочие сидят-важничают – ноги на волков поставили. А волки в тёплом месте отошли да и ожили! Да начальство – за ноги! Вот начальство взвилось! Видимость важну потеряло и пустилось вскачь и наубёг.

Мы без губернатора, без полицмейстера да без архиерея с полгода жили, – ну, и отдышались малость.

Своим жаром баню грею

Исправник уехал, волков увёз. А я через него пушше разгорячился.

В избу вошёл, а от меня жар валит. Жона и говорит:

– Лезь-ко, старик, в печку, давно не топлена.

Я в печку забрался и живо нагрел. Жона хлебы испекла, шанег напекла. Обед сварила и чай заварила – и всё одним махом. Меня в холодну горницу толкнула. Горница с осени не топлена была. От моего жару горница разом тёплой стала.

Старуха из-за моей горячности ко мне подступиться не может.

Старуха на меня водой плеснула, чтобы остынул, а от меня только пар пошёл, а жару не убыло.

Тут меня баба в баню поволокла. На полк сунула – и давай водой поддавать.

От меня пар! От меня жар!

Жона моется-обливается, хвошшется-парится.

Я дождался, кожды баба голову намылит да глаза мылом улепит, из бани выскочил, чтобы домой бежать. А меня уж дожидались, моего согласия не спросили, в другу баню поташшили. И так по всей Уйме я своим жаром бани нагрел! Нет, думаю, пока народ в банях парится, я дома спрячусь – поостыну.

Белуха

Сидел я у моря, ждал белуху. Она быть не сулилась, да я и ждал не в гости, а ради корысти. Белуху мы на сало промышляем.

Да ты, гостюшко, не думай, что я рыбу белуху дожидался, – нет, другу белуху, котора зверь и с рыбиной и не в родстве. Может стать, через каку-нибудь куму камбалу и в свойстве.

Дак вот сижу, жду. По моим догадкам, пора быть белухину ходу. Меня товаришши артель караулить послали. Как заподымаются белы спины, я должен артели знать дать.

Без дела сидеть нельзя, это городски жители бывалошны без дела много сиживали, время мимо рук пропускали, а потом столько же на оханье тратили: «Ах, да как это мы недосмотрели, время мимо носу, мимо глазу пропустили. Да кабы знатьё, да кабы ум впору!»

Я сидел, два дела делал: на море глядел, белуху ждал да гарпун налаживал.

Берег высокой, море глубоко; чтобы гарпун в воду не опустить, я верёвку круг себя обвязал и работаю глазами и руками.

Море взбелилось!

Белуха пришла, играт, белы спины выставляют, хвостами фигурными вертит.

Я в становишше шапкой помахал, товаришшам-промышленникам знать дал. Гарпуном в белушьего вожака запустил – и попал. Рванулся белуший вожак и тем рывком сорвал меня с высокого берега в глубоку воду. Я в воду угрузнул мало не до дна. Кабы море в этом месте было мельче вёрст на пять, я ведь мог бы о каку-нибудь подводность головой стукнуться, а на глуже-то я только отфыркнулся.

Всё белушье стадо поворотило в море в голоменье – в открыто место, значит, от берега дальше.

Все выскакивают, спины над водой выгибают, мне то же надо делать. Люби не люби – чашше взглядывай, пльиви не пльиви – чашше над водой выскакивай!

Я пльиву, я выскакиваю, да над водой спину выгинаю.

Все белы, я один черной. Я нижню бельё с себя стащил, поверх верхней одёжи натянул. Тут-то я по виду взаправдашной белухой стал, то над водой спиной выстану, то ноги скручу и бахилами, как хвостом, вывёртываю. Со стороны поглядеть, дак у меня от белух никакого отлику нет, ничем не разнился, только весом меньше: белухи – пудов на семьдесят^[22], а я своего весу.

Пока я белушьи фасоны выделявал, мы уж много дали захватили, берег краешком чуть темнел.

Иностранны промышленники на своих судах досмотрели белуху, а меня не признали; кабы признали меня – подальше бы увернулись. Иностранцы в наших местах безо всякого дозволения промышляли в бывалошно время. Они вороваты да увёртливы.

Иностранцы погнались за белухами да за мной. Я в воде булькаю и раздумываю: настигнут да на гарпун подцепят.

Я кинул в вожака запасной гарпун да двумя верёвками от гарпунов правлю на мелко место. Мы-то, белушьё стадо, проскочили через мель, а иностранцы с полного разбегу на мели застопорились.

Я шни-вожжи натянул и к дому повернул. Тут туман растянулся по

морю и толсто лёг на воду.

Чайки в тумане летят, крылами шевелят, от чаячьих крыл узорочье осталось в пустоте туманной. Я узоры эти в память взял, нашим бабам да девкам обсказал.

И по сю пору наши вышивки да кружева всем на удивленье!

Я ногами выкинул и на тумане «мыслете» написал. Так «мыслете» и полетело к нашему становищу. Я дальше ногами писать принялся и отписал товарищам:

«Други, гоню стадо белух, не стреляйте, сетями ловите, чтобы мне поврежденья не сделать».

Мы с промыслом управились. Туман ушёл. А иностранцы перед самыми нами на мели сидят.

Вот иностранцы забоялись, что мы их в город по начальству представим. Бывалошно начальство, всяки чиновники – умели грабить. Мы раньше-то лето промышляли, зиму промышляли, а жили – едва ноги тянули, всё начальство отымало.

Кабы иностранцев остановил чиновник, какой на пароходе проходящей, дак иностранцам и охоть не пришлось бы. Чиновники в одиночку за ром да за виску како хошь угожденье иностранцам делали.

Иностранцы с судов голоса, выкуп сулят. Нам чужого не надо, мы народ трудовой, нам наше отдай. Взяли у иностранцев промысел, который в нашей воде добыт.

А чтобы не налетел чиновник по чужим делам, – сам-то себя он звал чиновником по крестьянским делам, – да чтобы нас не ограбил, мы иностранцев освободили.

Мы море раскачали! Рубахами да шапками махали-махали. Море сморщилось, и волна пошла, и валы поднялись, и белы гребешки побежали, вода стенкой поднялась и иностранны суда смыла, как слизнула с мели.

Иностранцы обрадели, что от ответу избавились, нам кричат:

– Русиш бра, много бра!

Это значит: русски добры, очень добры. Мы им в ответ своё слово:

– Ладно, убирайтесь, вперёд не попадайтесь, чтобы добротой своей мы не поломали ваших костей, от нашей доброты надорвёте животы!

Промысел у нас остался богатой. Перво дело – я стадо пригнал, второ дело – иностранцы нам наловили. В бывалошно время начальство нам не позволяло иметь настояшно приспособление для промыслу, как у иностранцев.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

СНОСКИ

1

Этот текст был написан автором к изданию 1959 года.

2

Чуть больше тридцати семи километров.

3

Ломом.

4

Около полкило.

5

Особыми открытыми пирожками.

6

На чердак.

В самом деле.

8

Очень.

По пути.

10

Негодники.

Дикий лук.

12

Пристройка над хлевом для хранения корма животных.

13

Вращающийся флажок или стрела, указывающая направление ветра.

14

Чуть больше четырёх килограмм.

Кривых деревьев, принесённых течением реки.

Большими ковшами.

У подножья горы.

Деньги.

Метров на четырнадцать.

Погремушки из бересты.

Глава полиции.

Больше тысячи килограмм.